

НАУЧЕН ВЕКТОР НА БАЛКАНИТЕ

2017
№ 1

«ДИПЛОМАТИЯ ВЕРЫ» КАК ТРАДИЦИОННЫЙ И НОВЕЙШИЙ
МЕТОД ДИПЛОМАТИИ

© 2017

Леви Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук,
доцент кафедры «Европейских Исследований»*Санкт-Петербургский государственный университет**(191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3 8 подъезд, e-mail: d.levi@spbu.ru)*

Аннотация. Вопросы религии и веры в международных отношениях и политологии всегда рассматривались с точки зрения инструментов влияния и ресурсов политического давления. В настоящей статье автор рассуждает о практических возможностях «дипломатии религий» или «дипломатии веры», дает оценку актуальности направления дипломатии, целевой аудитории дипломатической деятельности с точки зрения традиций и с точки зрения современности. Каково место дипломатии веры в эпоху развитой информационной коммуникации? Превратилась ли дипломатия в PR или обладает собственной институциональной и методологической логикой? Должны ли государства отдельно рассматривать данный вопрос и является ли «дипломатия веры» исключительно инструментом переговорного процесса или методом общения народов? Одним из ключевых вопросов статьи является вопрос эффективности дипломатии веры. Автор предлагает критерии для оценки эффективности прилагаемых усилий для реализации дипломатии веры, систему задач, которые может решить «дипломатия веры», а также развивает 4-х составную модель требований по реализации дипломатии веры, связанную с контролем за эффективностью.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатия веры, эффективность дипломатии, современная дипломатия, новые методы дипломатии, религия, публичная дипломатия, дипломатия церкви, глобальное развитие, религиозная дипломатия, дипломатия государства

“FAITH DIPLOMACY”: FINDING SPACE FOR TRADITIONAL
AND NEW METHODS FOR DIPLOMACY

© 2017

Levi Dmitri Andreevich, PHD in political science, associate professor
of European Studies Chair*St. Petersburg State University**(191060, St. Petersburg, Smolny street 1/3, entrance 8, e-mail: d.levi@spbu.ru)*

Abstract. Religion and faith in international relations and political science have always been considered in terms of instruments of influence and resources of political pressure. In this article, the author discusses practical possibilities of “diplomacy of religions” or “diplomacy of faith”, assesses the evolution of diplomacy, the target audience of diplomatic activity from the point of traditional diplomacy methods and modernity methods. Is there any space for institutional logic for diplomacy of faith left or faith diplomacy nowadays has more in common with PR rather than with traditional diplomatic work. What is the place for faith diplomacy in the era of developed communications? Should faith diplomacy be considered solely as an instrument of the negotiation process or as a method of communication between nations and elites? Another key point of the article deals with a question of the effectiveness of the diplomacy of faith. The author argues for other criteria for effectiveness of public diplomacy. The article suggests the system of possible goals for diplomacy that can be achieved by methods of diplomacy of faith. And the effectiveness of the implementation of methods of this kind of diplomacy is suggested to be reviewed by the system of 4 levels of diplomatic performance.

Keywords: diplomacy, faith diplomacy, diplomacy effectiveness, modern diplomacy, new diplomacy methods, religion, diplomacy of faith, church diplomacy, global development, religious diplomacy, state diplomacy

В последние десятилетия в научное исследование понятия «дипломатии» существенным образом модернизировалось. Если в годы позапрошлого века само слово «дипломатия» была синонимом и признаком элитарной принадлежности, то за последние 100-150 лет изменилось как само понятие «дипломатия», изменились акторы дипломатии, изменилась и аудитория, на которую усилия этой самой дипломатии были направлены. Иными словами от романтической эпохи «пера и кинжала» международной дипломатии не осталось практически ничего и сегодняшняя дипломатия в первую очередь ассоциируется с дипломатией публичной и репутационной.[1, с. 15]

Действительно, в период формирования национальных государств дипломат - это представитель государства, который по техническим причинам не может оперативно получать инструкции своего правителя и обладает существенными полномочиями представлять свое государство, говорить от имени своего государя. Дипломат эпохи мировых войн уже иной: средства связи уже налажены, вот-вот появятся прямые «горячие линии» между лидерами государств. Роль «представителя нации или режима» при государстве пребывания стремительно уходит от дипломата. Ему предстоит заниматься в первую очередь общением с национальными элитами, выяснять настроения и масштабировать институциональную и элитарную инертность для предсказания сценариев поведения государства пребывания в ответ на международные события. Но новый век начинает размывать и эту функцию: СМИ становятся международными, интернет

делает коммуникацию доступной и оперативной, анализ настроений элит теперь доступен не только в национальных столицах, но и прямо из дома. Да и элиты трансформируются в наднациональные и международные, и теперь уже не базируются на основе одного государства, а в чем-то претендуют даже на конкуренцию с традиционным государством по финансовому и политическому влиянию. Отдельные элиты, получившие наименование нетократических, даже претендуют на полную независимость от государства, поскольку обладают ресурсом свободного перемещения между государствами, возможностью менять юрисдикцию без рисков утраты основных средств производства. Социальные сети, мессенджеры, крипто-биржи и прочие проекты практически не привязаны к национальным границам, складам, производству. Их активы очень сложно отнять, наложить арест или иным образом ограничить. В этой связи роль дипломатии и роль конкретного дипломата начинает растворяться и снижаться до уровня рутинного клерка или бухгалтера. Однако со временем исследователи замечают наличие нового вектора для дипломатической работы, связанного с оказанием имиджевого или репутационного влияния. Репутация и репутационные ожидания постепенно становятся новыми целями дипломатии, в большой степени подменяя традиционные представительские. Сегодня дипломатия в первую очередь ориентирована на формирование имиджа государства, упреждение репутации и предсказуемости (или непредсказуемости) поведения государства на международной арене. И аудиторией дипломатии все больше становятся

не столько государственные элиты, чиновники, сотрудники МИДов и принимающие решения правители и начальники, сколько широкие слои населения. Именно эти широкие слои населения формируют отношение к государствам, определяют туристическую востребованность направлений, потребительский и коммерческий успех логотипов «Made in China» и «Made in USA» и, что не маловажно, нередко диктуют своим лидерам позицию государств на мировой арене. Дипломаты, споспобствуя конкуренции образом в и брендов государств, сами не заметили, как вторглись своей дипломатией в сферу PR, а своей аудиторией посчитали не только чиновников, но и журналистов, бизнесменов и простых обывателей.

Термин «цифровой дипломатии» стал символом расцвета «новейших методов дипломатии», окончательно утвердившем переход к новому формату диалога между государствами. 140 и 280 символов Твиттера стали инструментами международных дебатов, зачастую развивающимися по законам скандальных ток шоу Джери Спрингера, Фейсбук-аккаунты стали инструментами подписки на псевдоаналитические рассуждения, а молниеносность распространения вирусных видео сообщений YouTube стало механизмом вброса анонимных фейковых новостей. Дипломатия вздохнула от угрозы забвения, отряхнулась и принарядилась в футболку с надписью «публичная».

Дипломатия веры традиционно ассоциируется как раз не с новым и новейшим, а традиционным и зачастую реакционным. Действительно, задолго до расцвета национальных государств именно религиозный фактор был определяющим для развития Европы, а тезисы Рах Деи («Мир во имя Бога») ассоциировался с в первую очередь с ролью исключительной церкви и католичества. Однако, день сегодняшний существенно отличается от средневековья и даже периода возрождения. Роль церкви по сравнению с ролью национального государства для общества не является определяющей практически нигде. Более того, историческое развитие религий привело к разделению понятий «церковь» и «вера», что привело во-первых к разделению верований, во-вторых к значительному рассредоточению роли крупнейших церквей в возможности влиять на события светской жизни. Вместе с тем, ценностная значимость религии и веры в эпоху снижения уровня доверия в международных отношениях и в обществе в целом, за последние 20-30 лет наоборот окрепла. Симптом ли это новой эпохи постиндустриального развития постинформационной усталости общества?

Строго говоря, отказать религии как фактору влияния на международные отношения и процессы мировой политики невозможно. Классической, хотя и деструктивной иллюстрацией этому является обилие этноконфессиональных конфликтов в самых разных уголках мира. В Южной Азии стоит отметить Кашмирский конфликт, этноконфессиональный конфликт в Шри-Ланке, в Африке можно выделить конфликт в Судане, на Ближнем Востоке - арабо-израильский конфликт, на Балканском полуострове конфликт в Боснии, Косово. Ситуация вокруг Афганистана, Ирака, Сирии также не лишена религиозной составляющей. Логично, что при проведении дипломатических круглых столов и переговоров в качестве инструментов аргументации и принуждения к миру, стороны, международные посредники и государства, считающие себя мировыми жандармами, прибегают в этих случаях к вопросам религии и веры. С точки зрения изучения научного вектора данного развития можно отметить целый цикл работ Д.Джонсона: в 1995, в 2003 и в 2011 году [2,3,4], отдельные исследователи указывают, что именно эти работы спровоцировали Государственный Департамент США заняться изучением вопроса дипломатии веры и по стопам рекомендаций автора в 2000 года в США основан Институт Глобального Взаимодействия (The Institute for Global Engagement).

Основная идея этих исследований достаточно прозрачна: после разрушения эпохи идеологического противостояния СССР и США фактор религий, особенно в экономически слабых странах мира, является одним из ключевых при управлении конфликтами и реализации дипломатических задач в мирное время. Отвергать его нельзя, необходимо на государственном уровне решать вопросы взаимодействия с местными религиозными лидерами и придумывать инструменты для ведения переговоров между представителями разных религий. Основной вопрос - как вовлечь государство и инертных государственных служащих в государственного департамента в понимание ресурса «дипломатии веры». Ведь, пожалуй, никакой другой вид традиционных или новейших методов дипломатии не увязывается так тесно с проблемой неоднозначного восприятия роли религии в обществе.

Обозревая актуальное использование «дипломатии веры», нельзя обойти стороной акторную конструкцию данного явления. Действительно, структурно новейшие методы дипломатии работают с массовым сознанием, с широкими слоями населения. Медиа, начиная с элитарных газет Великобритании и заканчивая доступностью радио эпохи Геббельса, стали отличным проводником для реализации такого разговора. Но религиозная иерархическая система, основанная на эффективной и скоординированной логике взаимоотношений приходов, церквей, храмов, старейшин, религиозных лидеров и проч. - является для отдельных регионов мира и отдельных слоев населения инструментом повышенной эффективности. Ведь традиционные медиа запятнаны политическим ангажированием и нередко воспринимаются как белый шум, церковь, базируясь на концепции веры, по определению оперирует нерассудочным убеждением. В этой связи ценности, транслируемые от лица религиозных лидеров, интерпретируемые и повторяемые на более низких уровнях, обладают большим ресурсом проникновения в сознание заданной целевой аудитории. Воспринимая эту возможность, актором дипломатии веры выступает не только церковь или церковные лидеры, но и государство, рассматривающее веру как инструмент.

Реализуя данную возможность в 1998 году госдепартамент США создает внутри себя управление по международной свободе вероисповедания (The Office of International Religious Freedom). В 1999 году был основан Международный центр религии и дипломатии (International center for religion and diplomacy). Формальные цели этих центров в целом соответствуют декларативным: снижение роли религии в качестве движущей силы конфликта; увеличения роли духовенства в миротворческой деятельности, а также возможностей религиозных миротворцев, осведомление политических деятелей о вероятном вкладе религиозных миротворцев. Офис и Центр были задействованы в попытках разрешения конфликта в Судане, работали с христианскими и мусульманскими сообществами страны. В 2000 году Центр организовывал встречу представителей данных религиозных сообществ в Хартуме, которая стала прорывом в отношениях между двумя сообществами. В частности, были определены области сотрудничества в сфере образования, трудоустройства, гуманитарной помощи. Также, центр занимается снижением религиозного напряжения к Кашмире.

Однако, большой вопрос состоит в том, насколько эффективна «дипломатия веры» в руках государства и в руках институциональных центров религий, какие задачи она может решать и как по результатам вложенных усилий определить ресурс данной дипломатии, приложенный как усилием государства, так и усилием собственно церковных иерархов. В этой связи следует отложить в сторону ценностные характеристики церквей и носителей вероучений, вопросы веры и знаний как таковых и изучать их институциональную сущность.

Как точно подметил в свое время московский священник и экономист Иоанн Федоринов в интервью журналу Корреспондент: «Если бы бог снова пришел на землю в США или Европу, то его выгнали бы, сказав: “Ты нам не нужен, мы сформировали свою систему ценностей»». [5] Поэтому анализ дипломатии веры и вообще научный поиск в этом вопросе - это не проблематика веры и церкви, а вопрос циничного и прагматичного анализа. А с институциональной точки зрения государство и церковные институты солидарны в решении нескольких публичных задач, находящихся в практической плоскости. И эти задачи повязаны с решением одной из самых сложных проблем, связанных с реализацией «дипломатии веры»: проблемой оценки эффективности и выработке критериев эффективности данной деятельности. Автор настоящей статьи предлагает посмотреть на данную проблему с нескольких сторон. На наш взгляд дипломатия веры, реализуемая государством или церковью ориентирована на достижение нескольких целей, среди которых есть цель популяризации собственного имени и идентичности, задача мобилизации имеющихся сторонников и рекрутинг новых, а также ключевая задача охранения имеющегося имущества, положения, ресурсов и режима отношений с другими ключевыми игроками. Все указанные задачи носят публичный характер и укладываются в логику публичной дипломатии, а индикатором эффективности в достижении данных задач может являться оцениваемое качественно приближение или удаление государства или церкви к достижению данных задач, формируемое в сознании массовой аудитории, с учетом объемов привлекаемых ресурсов.

В исследовании *Essays on faith diplomacy* [6, сс. 57-79] предлагается интересная точка зрения, трактующая возможности использования публичной дипломатии в целом. Развивая ее для нашего рассуждения о критериях эффективности, можно придти к выводу, что достижение целей дипломатии веры возможно при оборачивании прагматичного расчета в вкусные конфетки-обертки из 4х принципов: искренности подачи информации (*sincerity*), последовательности и дисциплине организации коммуникационного потока (*discipline*), разумной воздержанности от критики (*forbearance*) и адаптация своих политических идеалов к современным реалиям, признание существования других возможных систем развития общества и отказ от распространения своих «идеалов» на других (*dialogical creativity*). Конечно, данные выводы были ориентированы в первую очередь на США периода после 11 сентября, российский и европейский опыт научного поиска в этой связи отстает. Однако и для США указанные рекомендации носят достаточно абстрактный характер и носят деклараций о намерениях больше, чем конкретных рекомендаций.

Очевидно, что любые действия, которые бы можно было называть скоординированной дипломатией в канале «дипломатия веры», т.е. некие усилия по стороны государства, переплетенные с целями и задачами внешней политики и внешнего образа государства, которые находятся под контролем или курированием внешнеполитических ведомств и (или) близких государству (государственно-подобных) институций, обладающих подчиненной или независимой от государства волей к внешнеполитическим отношениям, - должны быть подчинены единому центру координации. Ранее мы указывали, что по сути ключевым критерием эффективности дипломатии веры является возможность приближать или отодвигать мнение общественных масс к желаемой точке зрения или углу восприятия государства, церкви или общества. В этой связи вполне прагматичное намерение государства, например, возьмем гипотетические США или Россию, выглядеть в качестве уважаемого партнера, способного адекватно и спокойно присутствовать на переговорах с представителями традиционного общества, увязывается с готовностью представлять на переговорную площадку приемлемых и привычных представителей

лей. Для исламского общества - мужчин, а не женщин. Для африканского общества - смешенные группы представителей разных рас. Выполнение этих критериев обеспечивает большее в КПД в части организации искренности в подаче информации. Переиначивая макклюэновское «средство доставки сообщения и есть сообщение», можно сказать, что подбор спикера или переговорщика - это тоже часть сообщения, зачастую определяющая часть для традиционных культур. Пренебрежение традициями, в первую очередь религиозными потенциально ставит организацию дипломатической деятельности в уязвимое положение.

Последовательность и дисциплина в организации коммуникационного потока в связи с нашим вопросом об эффективности тесно связана с последовательностью в диалоге между сторонами. Не секрет, что крушение СССР привело к резкому изменению в формате взаимодействия США и России с ранее субсидируемыми традиционными обществами и развивающимися государствами. В этой связи те же террористические Аль Кайда, ИГИЛ (запрещенные в РФ организации) являются порождением периода прекращения дотаций со стороны США. Нельзя встать и выйти из диалога, если традиционный формат общения предполагает длительные переговоры. Нельзя менять точки зрения в части ценностей при организации диалога с традиционными обществами, поскольку ценности, в первую очередь религиозные, там обладают большей значимостью и большим ресурсом власти, чем сиюминутные выгоды.

Наконец императив воздержанности играет ключевое значение в части репутационных приобретений в ходе переговоров. При позиционировании религии в центр переговорного процесса, а также в моменты, когда переговоры ведутся с религиозными лидерами, понимание правил информационной игры должно обеспечивать сохранение лица каждой из сторон. Лидеры переговоров с обеих сторон понимают, что руководствуются политическими соображениями больше, чем религиозными. И в этой связи лицемерие (не как негативная составляющая, а как часть правил игры) является неотъемлемой частью торгов. По результатам переговоров каждая из сторон должна найти аспекты, в которых она «переиграла» оппонентов и в этой связи сдержанность комментариев должна подпитываться разделением целевых аудиторий распространения информации, чтобы взаимоисключающие суждения в умах целевых аудиторий не пересекались. Для переговоров по разрешению конфликтов, где есть место религиозным аспектам взаимодействия, это чрезвычайно актуально. [7]

Наконец, императив уважения к чужой точке зрения и сохранение права на уникальный маршрут развития для оппонента - один из самых острых и идеологически неприемлемых для ведущих мировых держав. Давайте согласимся, что идеология демократии и либерального развития не вполне уживается с альтернативными идеологическими суждениями. Религии - тоже в известной степени идеологии, которые очень болезненно относятся к критике и конкуренции. Прекрасно работает императив авторитета, когда есть инструмент религиозного влияния на широкие массы населения. В 1978 году между Чили и Аргентиной разгорелся конфликт из-за островов Нуэво, Леннокс и Пиктон. Папа Иоанн Павел II предложил посредничество и отправил своего собственного посла Кардинала Антонио Саморе в Буэнос-Айрес. Под давлением католического населения страны, Аргентина остановила боевые действия и приняла предложение о посредничестве. 9 января 1979 года стороны подписали Акт Монтевидео, который формально состоялся при посредничестве Ватикана и провозглашал отказ от применения силы.

Однако, если мы обратим внимание на другой пример попытки Иоанна XXIII с помощью Ватиканского радио, обратиться к главам государств во время Карибского кризиса («*Мира, мира! Мы вновь повторяем эту торжественную*

стенную мольбу. Мы призываем всех руководителей не оставаться глухими перед этим криком человечества. Сделайте все, что в ваших силах, чтобы сохранить мир. Избавьте мир от ужасов войны, последствий которой никто не может предугадать!»), то мы неизбежно зададимся вопросом, а, собственно, оказало ли хотя бы малейшее влияние заявление Святого Престола на руководство США и СССР? Есть уверенность, что если да, то совершенно минимальное.

Уважение к чужой точке зрения для дипломатии веры осложнено еще и существенными различиями к подходам к вопросам миссионерской деятельности: разные церкви очень по-разному смотрят на рекрутинг новых адептов из числа представителей других религий. Государства, которые имеют уникальную возможность использовать ресурс размещенных на их территориях церковных образований и институций, рассматривают расширение миссионерской активности «пришлых» церквей и религий как агрессивные действия. Во всех случаях, это неизбежно приводит к увеличению температуры отношений и росту непонимания при приложении дипломатических усилий в канале дипломатии веры.

Резюмируя описанное выше, следует отметить, что «дипломатия веры» претерпела изменения, аналогичные изменению роли самих церквей и религий. [8; с.113] Однако в регионах, где религия и вера традиционно играют существенное значение, достаток и социальный успех граждан зачастую связан не с их собственными усилиями, развитым гражданским обществом, медициной, социальными лифтами, а с ролью государства и(или) церкви, в этих регионах ресурс дипломатии веры чрезвычайно велик поскольку пропаганда ценностей и точек зрения, спущенная по религиозным каналам, успешно конкурирует с государственной. При всей сложности произведения замеров эффективности дипломатии веры, для качественной оценки направления дипломатии веры применимы традиционные подходы связей с общественностью, когда критерием становится не количественный КРІ, а качественное приближение или удаление целевой аудитории к пропагандируемым ценностям. Данное приближение и удаление может быть установлено на основе, например, экспертных оценок [9; с.159-161]. В Латинской Америке для Римской католической церкви, на Украине и в Белоруссии для РПЦ - имеются прекрасные условия для развертывания дипломатии веры, организации сопротивления общественным мнением государственной пропаганде. Остается лишь затронуть вопрос слабости демократий в данных регионах и отсутствие работающей обратной связи, что нередко сводит на нет усилия публичной дипломатии. Ведь мало сформировать и расположить общественное мнение традиционными или нетрадиционными каналами в пользу набора ценностей, необходимо измерить еще и потенциал политического действия общества в данном регионе, его возможность влиять на политику государства. А в этой связи ситуация редко выглядит однозначной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Berger L. Peter. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1999.
2. Johnston D., *Religion, the missing dimension of statecraft*. Oxford University Press, 1995.
3. Johnston D., *Faith-based Diplomacy: Trumping Realpolitik*. Oxford University Press, 2003.
4. Johnston D., *Religion, Terror, and Error: U.S. Foreign Policy and the Challenge of Spiritual Engagement*. NY: Gardners Books. 2013.
5. Корреспондент: Эпоха безбожников. Почему в мире стремительно падает количество верующих // Корреспондент. N 33 24.08.2012 <<https://korrespondent.net/world/1388249-korrespondent-epoha-bezbozhnikov-pochemu-v-mire-stremitelno-padaet-kolichestvo-veruyushchih>>
6. *Essays on faith diplomacy*. (ed. N.Leight). LA: Figueroa Press 2011
7. U.S. Government Accountability Office (GAO), *Report to the Chairman, Subcommittee on Science, the Departments of State, Justice and Commerce and Related Agencies, House Committee on Appropriations, U.S. Public Diplomacy: State Department Efforts to Engage Muslim*

Audiences Lack Certain Communication Elements and Face Persistent Challenges, GAO-06-535 (May 2006);

8. Цветков А., *Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности*. // Вестник СПбГУ. Сер.6, 2010, вып.3 сс.110-116

9. Барышников Д., Костюк Р., Ткаченко С. *Эффективность дипломатии*. СПб.: ВВМ 2009